

քաղաք բնադրեր, տարրեր բնույթի բառարաններ, հարստացրել հայերենի բառապաշարը: Սրանց բավական տեղ է հատկացրել իր մենագրություն մեջ հետազոտողը:

Ուսումնասիրության միջով կարծիր թելի նման անցնում է մի հիմնական զաղափար: Այդ այն է, որ Արեղյանը, լինելով լայն հետաքրքրությունների տեր, միաժամանակ սովորական մի գիտնական չէր, այլ խոր ու հիմնավոր հայացքի, երկաթյա տրամաբանության տեր մի մտածող, երրաթափանցության և գիտական սրատեսության շնորհիվ նա եղել է իսկական նորարար հայագիտության տարրեր ճյուղերում:

Փաստի իմացության Արեղյանի կարողությունը Ս. Հարությունյանը սերտորեն դուրսագրում է ընդհանրացնողի նրա խոշոր ձիրքի հետ և առաջադրում այն, որ Արեղյանը ոչ միայն մասնակի խնդիրների հետազոտող է, այլ առաջին հերթին կենսոտ պրոբլեմների ընդհանուր կապակցությունների, որոնք բնական հայացքի և մտքի տրամաբանության ուժով համակարգման են ենթարկվում և զառնում կուտումներ:

Արեղյանը բարդ հեղինակ է: Այդ բարդությունը պահանջում է լրջություն և, որ կարևորն է, նշգրտություն: Եթե պակասեն այդ հատկանիշներից մեկն ու մեկը, կխեղաթյուրվի և գիտնականի դիմանկարը: Աշխատության հեղինակն ունի այդ հատկանիշները: Տեական և տրևաչան աշխատանքով Ս. Հարությունյանը ստեղծել է հայրենասեր մարդուն և գիտնականին նվիրված մի դիրք, աշխատել է բացահայտել բանասիրության մեջ նրա ծառայությունների նոր որակը:

Մենագրության հեղինակը առաջադրում է այն միտքը, թե Արեղյանը իր գիտական հայտնադրումներով նոր սերնդի գիտնականների համար մի իսկական դպրոց է, և նրանք, ովքեր կըրջանցեն այդ դպրոցը, գիտության մեծ մայրուղուց դուրս կգնեն իրենց:

Աշխատության հեղինակի ամեն մի տողում

զրանալով է նրա սերն ու ակնածանքը, ուշադրությունը այդ դպրոցի նկատմամբ:

Պետք է նկատել, որ Արեղյանի կյանքի ու գործի ուսումնասիրության նախաձեռնությունն իսկ ինքնին ղեկավարելի է: Հարությունյանը կարողացել է հաջողությամբ բացահայտել ակադեմիկոս գիտնականի տեղը և դերը XIX դ. վերջի և XX դ. հայագիտության մեջ, ցույց տալ նրա խոշոր ավանդը:

Շատ են ու բազմազան Ս. Հարությունյանի աշխատության մեջ արժարժված հարցերը: Իմ հենց այդ է պատճառը թերևս, որ նրա զբոլ էջերում նկատվում է նյութի չափազանց առատություն: Այդ առատությունը երբեմն նկարագրականության է փոխվում և ինչ-որ չափով խանգարում հեղինակի որոշ մտքերի ընդգծմանը: Մեր կարծիքով, նյութի որոշ բեռնաթափումը, հատկապես մեջբերումների առատ օգտագործման վերացումը, առավել ևս հստակ ու նպատակաույաց կդարձներ աշխատությունը:

«Գրական դպրոցների» մեջ բավական հետաքրքրական զմեր նկատելով, մենագրության հեղինակը չի նշել, որ դա ամբողջական ձևով հայ նոր գրականության մեջ գրական ուղղությունների պարբերացման առաջին փորձն է, մի բան, որ այդ ուսումնասիրության պատմական արժեքն է բնորոշում:

Առանձին դեպքերում առկա է որոշ անբնական վերաբերմունք: Բավարարվենք նոր ուղղագրության հարցով: Այն, որ իր ժամանակին նոր ուղղագրությունը գրական դեր կատարեց, ոչ ոք չի ժխտում: Բայց չի կարելի անտեսել, որ այդ ուղղագրությունը ուներ որոշ պակասություններ:

Ավարտելով մեր խոսքը, անհրաժեշտ ենք համարում ընդգծել, որ գրված է մի լավ մենագրություն: Դա առաջին ամբողջական և հաջողված աշխատությունն է՝ նվիրված հայագիտության մեծ երախտավորին: Այդ աշխատությունը արժանի ներդրում է հայագիտության և արեղյանագիտության մեջ:

Լ. ԱՍՄԱՐՅԱՆ

Э. М. ДЖРБАШЯН, *Поэзия Туманяна*. Перевод с армянского
С. А. Гуллакян, М., изд-во «Художественная литература»,
1969, 280 стр., цена 70 коп.

Туманяновские юбилейные дни позади. Они были плодотворными. Одним из значительных приобретений в эти дни явилась книга профессора Э. Джрбашяна.

Годы посмертной литературной жизни Туманяна утвердили его славу великого творца, вместе с тем, уже в который раз,

утвердили и ту истину, что подлинный писатель бессмертен. В книге Э. Джрбашяна раскрывается не только мир Туманяна, но и секрет неуязвимости его поэзии.

Путь к вершинам литературы и для очень талантливого художника не легок.

В 1890—1892 гг. вышли в свет пер-

вые два сборника поэм и стихотворений Туманяна. Л. Манвелян писал по этому поводу: «В своих поэмах он не похож ни на старых, ни на новых наших поэтов. Он стоит особняком, он самобытен, он является чем-то новым для нас. Его отличительная особенность—народный элемент, быющий ключом в его эпических произведениях»¹. Это новое многим не было понятно сразу же. Но молодой поэт не отступил, не нарушил целостности и бесспорности излившегося из него поэтического мира. Его, истинного художника, с самого начала отличало полное слияние со своим художественным миром, что и обусловило непоколебимость его стремления утвердить этот мир в литературе.

С рукописью своей первой баллады «Пес и кот» Туманян идет к редактору журнала «Мурч» А. Арасханяну. Через два дня редактор возвращает рукопись: «Прочитал, очень удивился и спросил себя: пес, кот и... поэзия?». Проходят годы. Выходит в свет «Пес и кот», Арасханян, встретив Туманяна, поздравляет его, говорит о своем восхищении балладой². Конечно, и первая, и вторая его реакции на балладу искренни, непосредственны. Они отражают тот перелом в армянской поэзии, который произошел за годы, разделяющие отмеченные встречи, перелом, связанный с именами И. Иоаннисяна и целой плеяды новых поэтов, особенно с именем Ованеса Туманяна.

Творческая программа Ов. Туманяна была значительно шире и глубже других, так же, как он, ратовавших за утверждение реализма и народности в армянской поэзии. Его первые две книги были лишь началом. Они принесли ему признание. Но его не постигла участь тех даровитых людей, которые исчерпывают себя в первых же книгах, и Туманян, весь пронизанный народным мировосприятием, до конца жизни не порывал связей с родным народом, а наоборот, расширял и углублял их, и это питало его творчество. Ценой затрат огромных душевных сил он шел к вершинам искусства. Наделенный незау-

рядными данными поэта-реалиста, он не мог мириться с отвлеченностью «литературы идей», не способствующей проникновению в жизнь народа, его художественному исследованию. Это, однако, не исключает того факта, что поэмы Г. Алишана, Р. Патканяна, С. Шахазиза создали почву для эпической поэзии Туманяна. И об этом убедительно пишет Э. Джрбашян. Исследователь отмечает, что эпическую традицию следует в данном случае понимать вне зависимости от жанра и метода, и тогда очевидной станет связь творчества Туманяна, в частности его поэм, с творчеством Х. Абовяна, Г. Агаяна, П. Прошяна: «Не только их демократизм, народный дух, но и эпическая форма подготовили некоторые стороны эпической поэзии Туманяна» (стр. 14).

Жанровые особенности своих поэм Туманян связывал с произведениями Пушкина и Лермонтова. Он говорил, что Пушкин и Лермонтов подсказали ему самое форму поэмы, в которую облечены его произведения: Э. Джрбашян исследует отношение Туманяна к творчеству Пушкина, Лермонтова, Байрона, Шекспира, показывает, что поэт опирался на опыт всемирной литературы. Развитие писателя протекает в «общении» со своими армянскими предшественниками, гигантами мировой художественной мысли, под постоянным их «контролем», в непрекращающихся заочных спорах с ними, в размышлениях над их творчеством.

Стихийный поэтический поток, который волился в нашу литературу из первых двух книг Ов. Туманяна, как писал Ав. Исаакян, сначала был мутным. Но он «со временем, высветляясь, обрел кристальную чистоту и волился в те прекрасные бессмертные легенды и поэмы, которые составляют вечную славу и никем не превзойденную жемчужину нашей литературы»³. Этот сложный процесс высветления искусства Туманяна, трудность становления большого писателя и рассмотрены Э. Джрбашяном на основе изучения традиций, питавших его творчество.

Мир Туманяна внешне не был особенно примечательным. Он не поражал ни масштабами, громкостью и разнообразием

¹ Լ. Մանվելյան, Հովհ. Քուժանյանի բանաստեղծությունները, «Մերձ», 1891, № 1, стр. 95—96:

² См. Ա. Երզնկյան, Դարավոր կտիկեր, Երևան, 1970, стр. 34—35:

³ Ա. Գ. Իսահակյան, Երկեր, հատ. 4, Երևան, 1959, стр. 169—170:

географических названий, ни количеством действующих лиц или значительностью их должностного, социального положения. Произведения не могли удивить ни объемом, ни сенсационностью затрагиваемых им тем. Одним словом, внешне они не были «выигрышными», и находились люди, называвшие Туманяна «певцом Лори», «крестьянским» писателем, что было равнозначно обвинению в узости изображаемого мира, в ограниченности идеалов.

Основное для художника — свое видение мира, свой взгляд на вещи. Это «свое» наполнено радостью и печалью, тревогой и заботой о судьбах людей. Своим видением он по-новому освещает даже заурядное, будничное, открывая в них нечто значительное, существенное, прекрасное.

Ов. Туманян на «узком» материале Лори создал свои шедевры общенационального значения, своим ясным и правдивым взглядом открыл в этом «скромном» материале значительное и прекрасное для своего народа, для других народов также. При этом он не впадал в одну или другую крайность в отношении патриархальной действительности, идеализируя либо отрицая ее. Он увидел в патриархальном быте, отсталом, по-своему деспотическом, объяснение многочисленным драмам, вместе с тем воспел высокое, чистое, еще не запятнанное буржуазной цивилизацией. «Отсюда и поэтическая атмосфера туманяновских поэм, легенд и рассказов, которая сопутствует даже изображению самых трагических ситуаций» (стр. 46). Боль за страдания и тяжелую судьбу народа органически сочетается у поэта с любовью к жизни, к человеку. Эта любовь активна, пронизана стремлением утвердить счастье в человеке, в жизни. Трагическое в поэмах проникнуто огромной силой утверждения прекрасного, призывом и не в отвлеченном, а вполне реальном плане к борьбе, к положительным социальным чувствам, к созданию общества света и надежды.

Естественно, возникает проблема призвания и судьбы поэта в буржуазном обществе, более непосредственно получившая отражение в поэме «Поэт и муза». Как другие произведения Туманяна, так и эту поэму Э. Джрбашян рассматривает в общей цепи всего его творчества, как неразрывную ее часть, рассматривает в

процессе армянской, русской и зарубежной литератур, общественной мысли, социально-экономической жизни. Разбор исследователем содержания, художественных особенностей поэмы всесторонне вскрывает противоречия между призванием поэта и его истинным положением, между его высокими целями и окружающей рутинной.

Это противоречие острее подчеркивает неразрывную связь поэта и его творчества с жизнью родного народа, с его судьбой, устремлениями. Жизнь и деятельность поэта, его творчество являются наглядным свидетельством единства народа и художника. Э. Джрбашян рассматривает поэтический цикл, в котором тема политического положения Армении, национальных идеалов является основной. Никто из армянских писателей «с такой силой не почувствовал и не изобразил всю глубину трагедии родного народа, но и никто с такой неиссякаемой верой не воспевал грядущее его возрождение, хотя оба эти мотива отразились в творчестве лучших армянских поэтов» (стр. 162). У Туманяна любовь к родному народу сочетается с демократическими идеалами свободы и равенства всех народов, их дружбы.

Тема единства народа и художника перерастает в тему органических связей творчества Туманяна с фольклорными традициями. Автор книги исследует эти многообразные и глубоко творческие связи, обусловившие собой факт превращения поэта в высокий образец облагораживающей и возвышающей человека народности. Важным вкладом является исследование «Давида Сасунского», принципов, которыми руководствовался писатель, создавая поэму.

Идеал прекрасного Человека, человеческого совершенства — идеал поэта. Им пронизаны все его произведения. Но Туманян не мог не видеть, как уродовалась и унижалась человеческая личность. В качестве одного из острых внутренних противоречий буржуазного мира он указывал на тот факт, что развитие науки, техники, различных форм цивилизации не сопровождается нравственным совершенствованием человека. Для Туманяна человек из народа не теряет цельности, поэтичности, и поэт в своих произведениях рас-

крывает добротные глубины в душах своих героев.

Туманян отдавал свой талант и энергию жизни человеку, помогая ему совершенствоваться в себе доброе, чистое, поддерживал его стремление к прекрасному. «Ясная, добрая, по-детски чистая душа поэта», по выражению С. Я. Маршака⁴, и сегодня с нами; она продолжает оказывать свое благотворное влияние на жизнь. Велика сила искусства. Его нравственное воздействие более непосредственно и сильнее, чем воздействие любой другой области духовной жизни, ибо оно влияет одновременно на разум и на чувство человека.

В книге Э. Джрбашяна идейный и художественный разбор неразрывны, и это помогает лучше осмыслить мир Туманяна, проникнуть в творческую лабораторию поэта, восстановить перипетии его творческих исканий, процесс воплощения за-

мысла. Э. Джрбашян исходит из фактов, а факты, «сгущающие» сложную, противоречивую жизнь, ставят перед исследователем нелегкие задачи, порою кажущиеся неразрешимыми. Но исследователь старается объяснить, выявить заключающуюся в них закономерность. Глубокая научность, четкость мышления, смелость, опирающаяся на объективный анализ, на строгое взвешивание фактов, отличают книгу Э. Джрбашяна.

Заканчивая книгу, автор пишет: «В каждой его строчке бьется сердце родного народа—пламенное и беспокойное, мудрое и гуманное, полное страданий и надежд. И слово Туманяна навечно вошло в сердце армянского народа, стало неотъемлемой частью его духовного мира» (стр. 277). Книга Э. Джрбашяна дала нам возможность вновь и глубже осознать, почувствовать сердце и слово как народа, так и его поэта.

А МХИТАРЯН (Тбилиси)

⁴ Письмо С. Я. Маршака к А. И. Туманяну, «Литературная газета», 1966, № 98.

STUART MANN, *An Armenian historical grammar*,
London, 1968, 173 p.

ՍՏՅՈՒԱՐՏ ՄԱՆՆ, Հայերենի պատմական քերականություն,
Լոնդոն, 1968, 173 էջ (անգլերեն լեզվով)

Գրախոսվող գիրքը հնդինական երկրորդ աշխատությունն է հայագիտության բնագավառում¹:

Գրքի նպատակը, ինչպես հնդինակը ասում է առաջաբանում, հետևյալն է. հայոց լեզվի նյութի հիման վրա տալ նրա տրամաբանական մեկնարանությունը, որը, ըստ հնդինակի, պետք է որոշ չափով «օգնի մեր դարի սկզբի սխալ դոգմաների վերացմանը» (հնդինակը այստեղ հավանաբար ակնարկում է հայտնի լեզվաբան-հայագետներ Հյուրշմանի ու Մելիի հայացքները, որոնք նա, հատկապես «Պատմական հնդյունաբանություն» մեջ, հաճախ սխալ է համարում): Ամենից առաջ հնդինակը ցանկանում է խուսափել ժամանակակից լեզվաբանության մեջ դերակշռող անարդյուն «պոզիտիվիզմից»: Հնդինակը հույս է հայտնում, որ իր աշխատու-

թյունը հետաքրքրություն կհարուցի հնդեվրոպական լեզուների և հայերենի համեմատական ուսումնասիրության նոր մոտեցման նկատմամբ:

Գրախոսվող աշխատության մեջ կիրառվում է հնդյունաբանական տառադարձություն, որը, ըստ հնդինակի, ներկայացնում է հնագույն արտասանությունը, և միայն հարացույցներն են տրված հին ուղղագրությամբ: Դժբախտաբար, նա չի ասում, թե ինչ է հասկանում «ամենահին հավաստի որոշված արտասանություն» ասելով և ինչ է նշանակում «արխայիկ ուղղագրություն»: Հնդինակի այս մոտեցումը պայմանավորված է նրանով, որ իբր հնագույն գրագրերը (բեզդրերը) ունեն դրաբարի հնդյունաբանության այնպիսի անորոշություններ, որոնք դժվարացնում են նրանց օգտագործումը (ի-ն բառակերպում, ու-ն բառամիջում, ձայնավորներից առաջ, u(o)-ն բառամիջում և y-ն բառավերջում և այլն): Այս նկատառումներով հնդինակը իր տառադարձությամբ (տրանսկրիպցիա) հենվում է XI դարի ուղղագրության վրա և ոչ գրական դրաբարի Պետք է համաձայնել Բենվե-

¹ Առաջինը՝ «Հայերենի և հնդեվրոպական նախալեզուն (պատմական հնդյունաբանություն)» (Armenian and Indo-European (Historical Phonology), Լոնդոն, 1963: